

УДК 111.852:18:141(47)
ББК 873(2)61-07:87.852

**ТЕМА ТВОРЧЕСТВА И ГРАНИ ТРАГИЧЕСКОГО
В ЭСТЕТИКЕ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА: ИСТОКИ ПРОБЛЕМЫ
«НЕУДАЧИ ТВОРЧЕСТВА»**

А.Е. КУДАЕВ

Российская академия музыки имени Гнесиных,
ул. Поварская, д. 30/36, г. Москва, 121069, Российская Федерация
E-mail: a9e6k3@mail.ru

Анализируются истоки важнейшей проблемы философско-эстетического наследия Бердяева – трагедии творчества, которые не только предопределили выход философа на данную проблематику, но и выдвинули ее в качестве одной из центральных тем его эстетики. Утверждается далеко неслучайный характер темы творческой трагедии. Доказывается, что проблема творчества изначально осмыслялась Бердяевым в контексте философии трагического и поэтому должна анализироваться именно в данном аспекте, чтобы

быть понятой адекватно. В качестве основополагающих истоков бердяевской концепции трагедии творчества рассматриваются наиболее важные и определяющие: «трагическое чувство жизни» философа, оказавшее непосредственное влияние и на формирование его мировоззрения в целом, и на создание философско-эстетической концепции в частности; понимание философом свободы в качестве «главного источника» трагического; проблема одиночества как проявление «двойного трагизма»; осознание собственной жизни как «глубоко трагической»; «катастрофический» характер эпохи; кризис творчества; выдвигание темы творчества в качестве одной из центральных проблем Серебряного века, которые в своей совокупности и обусловили как повышенный интерес Бердяева к проблеме трагедии творчества, так и особенности ее решения.

Ключевые слова: эстетика Бердяева, тема творчества, истоки «неудачи творчества», проблема свободы, конфликт, одиночество, «трагическое чувство жизни», Серебряный век, катастрофический характер эпохи, кризис творчества, философия трагического, трагедия творчества.

CREATION SUBJECT AND TRAGEDY FACETS WITHIN N. BERDYAEV'S ESTHETICS: ORIGIN OF «CREATION FAILURE» PROBLEM

A.E. KUDAEV

Russian Academia of Music

30/36, Povarskaya St., Moscow, 121069, Russian Federation

E-mail: a9e6k3@mail.ru

The article analyzes the origin of a major problem of the philosophical and esthetic heritage of Berdyaev – the creation tragedy – that not only predetermined the outgate of the philosopher to this topic, but put it upfront as a central theme of his esthetics. It is claimed that the subject of creation tragedy is of deliberate nature and stated that creation issue was initially comprehended by Berdyaev in the context of philosophy of the tragic and therefore must be analyzed in these terms exactly to be understood adequately. As fundamental sources of his concept of the creation tragedy, the most important and determinant ones are expressed and examined: «a tragic feeling of life» of the philosopher that had a direct impact both on formation of his world view as a whole, and on creation of the philosophical and esthetic concept in particular; his understanding of freedom as a «main source» of the tragic; the loneliness problem in which he saw the manifestation of a «twofold tragic element»; understanding of the life as «deeply tragic», the «catastrophic» character of the era, a creation crisis, promotion of a creation subject as one of central problems of the Silver Age which in the set also caused a keen interest of Berdyaev to the tragedy of creation and features of its solution.

Key words: aesthetics of Berdyaev, subject of creativity, origins of the «failure of creativity», problem of freedom, conflict, loneliness, «the tragic feeling of life», Silver Age, catastrophic character of an era, crisis of creativity, the philosophy of the tragic, the tragedy of creativity.

Тема о творчестве, о творческом призвании человека – основная тема моей жизни.

Но я изначально сознал глубокую трагедию человеческого творчества и его роковую неудачу в условиях мира.

Н.А. Бердяев

В философско-эстетическом наследии Н.А. Бердяева проблема творчества занимает центральное место. И это хорошо известно, тем более что и сам философ не упускал возможности напоминать об этом. Однако, судя по всему, гораздо менее известно, что самое пристальное его внимание было приковано к такой наиважнейшей для него стороне этой проблемы, как «неудача творчества», к трагической судьбе и творчества, и художника-творца, к трагедии человеческого творчества, причем, трагедии неизбежной и непреодолимой в условиях этого мира.

Проблема трагедии творчества, как не покажется это парадоксальным, – во всяком случае, на первый взгляд, – являлась в философско-эстетической мысли Н.А. Бердяева лишь оборотной стороной его апофеоза творческой активности человека, культа человеческого творчества. Чем больше размышлял философ над «главной темой» своей жизни – проблемой творчества – и глубже проникал в особенности и специфику ее природы, тем более явственно и со всей остротой открывалась ему трагедия человеческого творчества, трагедия художника-творца. И связь между этими проблемами (творчества и трагедии творчества) оказывалась настолько глубокой, органичной и внутренне закономерной, что, осмысляя первую, Н.А. Бердяев неизбежно оказывался перед необходимостью решения и второй¹.

Однако проблема трагедии творчества отнюдь не была для него одной из многочисленных тем, находящейся в общем ряду с другими. В общей системе координат его метафизики творчества именно ей суждено было стать центральной, узловой и определяющей, вне решения которой, по твердому убеждению философа, едва ли вообще может быть постигнута – во всей своей полноте и «последней глубине» – и собственно проблема творчества как таковая (причем, как творчества вообще, так и художественного творчества, искусства в частности). Именно осмысление трагедии творчества определило и общую направленность, и масштаб, и характерные особенности решения Н.А. Бердяевым собственно проблемы творчества, вплоть до постановки вопроса о его смысле, границах и перспективах развития, о месте и роли не только в жизни человеческой и космической, но и Божественной, Богочеловеческой. Поэтому выход философа на постановку и решение проблемы трагедии творчества был, конечно же, далеко не случайным.

О неизбежности появления данной темы в творчестве Н.А. Бердяева можно сказать словами известного изречения: «Tutte le strade conducono a Roma» («Все пути ведут в Рим»). И действительно, создается впечатление, что тема эта слов-

¹ Подробнее о данной проблеме и отдельных ее аспектах см.: Кудаев А.Е. Проблема трагедии творчества в эстетике Н.А. Бердяева // Философия и культура. 2010. № 8 [1]; Он же. Антропологические основы концепции трагедии творчества Н.А. Бердяева // Полигнозис. 2010. № 4 [2]; Он же. Метафизика творчества Николая Бердяева в контексте его философии трагического // Филология. 2012. № 4 [3]. См. недавно опубликованную книгу известных авторов (Бычков В.В., Маньковская Н.Б., Иванов В.В. Триалог plus. М.: Прогресс-Традиция, 2013. С. 19–27 [4]), в которой также затрагивается один из аспектов бердяевской концепции трагедии творчества.

но исподволь подготавливалась всем ходом внутреннего развития философа (и жизненного, и специально-профессионального, и собственно писательского). И хотя, как будет видно из нижеизложенного, она питалась самыми различными источниками, однако все они, каждый по-своему, с разных сторон и своими «путями» неизбежно подводили его к искомой теме. Учитывая важность этого вопроса не только для формирования его собственной концепции трагедии творчества, но и для всей философско-эстетической мысли, представляется целесообразным остановиться на нем более подробно.

Как писал в свое время Н.А. Бердяев, «объяснить внутренние пружины сложившегося философского мировоззрения можно, только обратившись к первичному мироощущению философа, к его изначальному видению мира»². Не приходится сомневаться, что изначальным, основным и определяющим источником, своеобразным материнским лоном бердяевской концепции трагедии творчества являлось, прежде всего, *трагическое мироощущение* самого автора, которое покоилось на его твердом убеждении, что «мир объективно трагичен»³ и «жизнь в этом мире поражена глубоким трагизмом»⁴. Формирующееся на подобной основе восприятия мира «трагическое чувство жизни» философа и оказалось той магической призмой, сквозь которую преломлялись все его впечатления, мысли, идеи, несущие на себе, таким образом, неизгладимую печать его трагического духа.

Трагическое по существу превратилось у него в универсальное явление, своеобразный «прафеномен», пронизывающий собою все уровни и сферы бытия. Не случайно для Н.А. Бердяева оно становится «совсем особой, первородной категорией»⁵. Поэтому о чем бы он ни говорил, какого бы вопроса ни касался, все открывалось ему в своей экзистенциальной глубине, изначальной трагической ипостаси. Он пишет о трагедии жизни и познания, любви и смерти, религии и творчества, культуры и искусства, он пишет о трагедии индивидуальной человеческой судьбы и всего человечества в целом, о трагедии философа, художника, пророка и реформатора, поднимаясь до осмысления трагедии всей мировой истории, пока, наконец, не доходит до вселенской трагедии, захватывающей и Божественную жизнь, до «внутренней трагедии самого Божества», до всеобщей Богочеловеческой трагедии. Одним словом, все представляло перед ним в своем трагическом измерении, везде и во всем видел он отражения его таинственного лика.

Однако подобное чувство «глубокого и неискоренимого» трагизма бытия только потому и играло в его восприятии мира столь важную, а по суще-

² См.: Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 5 [5].

³ См.: Бердяев Н.А. – Философам Д.В., от 22 апреля 1907 г. // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. М., 1992. С. 315 [6].

⁴ См.: Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 284 [7].

⁵ См.: Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М.: Республика, 1993. С. 43 [8].

ству, определяющую роль, что оно не являлось плодом его абстрактных рассуждений, результатом отвлеченной мысли. Подчеркивая экзистенциальный характер своей философии, Н.А. Бердяев не уставал повторять, что он всегда писал только о том, что было «фактом» его жизни⁶, что пережил он сам, что открывалось ему в личном жизненном опыте⁷, указывая тем самым на изначальный и определяющий источник своего «трагического чувства жизни» (показательно также, что последнее он характеризует не иначе как свое «первичное чувство»⁸ [7, с. 312]). Трагическое буквально пронизывало и всю его собственную жизнь, являясь ее «главным нервом», и открывалось ему во всей своей напряженности и глубине, прежде всего, в личном жизненном опыте, окрашивая его восприятие мира в соответствующие тона. Об этом говорят и многочисленные признания самого автора, разбросанные в различных его произведениях, включая также и переписку. Однако наиболее ярким и показательным в данном отношении представляется все же письмо Н.А. Бердяева к Д.В. Философому, проливающее дополнительный свет на затронутую проблему и характеризующее действительную роль и значение феномена трагического в его личной жизни и судьбе. Разъясняя указанному адресату свою позицию относительно страдания вообще и его места в собственной жизни в частности, Н.А. Бердяев писал буквально следующее: «Я много страдал в жизни, не потому, что имею склонность страдать, что создан для возвышенного страдания, а потому, что жизнь моя складывалась объективно трагично, что мне были посланы большие испытания в жизни. В моей жизни было так много трагического...» [6, с. 314].

Поэтому, размышляя позднее о прожитой жизни, Н.А. Бердяев особо подчеркивал, что она отнюдь не была ровной и размеренной жизнью кабинетного ученого, метафизика в обычном смысле слова. Напротив, она была «слишком полна страстей» и «драматических событий», «катастрофических потрясений» и «неисчислимых испытаний», сопровождаемых страданиями, болью и мукой⁹. Она была наполнена «трагическими конфликтами» с миропорядком и обществом¹⁰, с литературными и философскими течениями, с политическими партиями и православной средой, с социальными группами и разного рода коллективными образованиями, как и вообще со «всякой группированной массой», вызывавшей у него

⁶ См.: Бердяев Н.А. – Философому Д.В., от 22 апреля 1907 г. С. 314.

⁷ Ср.: «Моя окончательная философия есть философия личная, связанная с моим личным опытом. Тут субъект философского познания экзистенциален» [7, с. 549; см. также: с. 341, 350, 511 и др.].

⁸ См.: Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. С. 312.

⁹ Там же. С. 254–255, 253, 281–282, 300–301, 302–303, 304–305, 307 и др. См. также его переписку с кн. И.П. Романовой [9], как и упоминаемую выше переписку с Д.В. Философовым, его письма к З.Н. Гиппиус [6].

¹⁰ Именно этот конфликт перерастет затем в одну из важнейших и «основных тем» всей его жизни – тему трагического столкновения личности и общества, личности и истории, личности и «мировой гармонии», которая получит свое наивысшее выражение в трагической судьбе художника-творца, гения, со всеми ее неизбежными «атрибутами» (непониманием, непризнанием, одиночеством и т.д.). (См., напр.: Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. С. 556, 572, 362, 372, 419 и др.).

острое чувство неприятия и чуждости¹¹, поскольку все они, по его глубокому убеждению, так или иначе (в прямой или завуалированной форме) посягали на свободу и достоинство человеческой личности¹², которые являлись для него высшей ценностью и борьбе за отстаивание которых он посвятит свою жизнь.

Поэтому он неизбежно оказывался в состоянии «постоянной оппозиции» и «непрерывного мучительного конфликта»¹³. Причем все столкновения с людьми, направлениями, течениями, партиями и группировками, с которыми ему только приходилось соприкасаться, происходили у него, как подчеркивает сам Н.А. Бердяев, именно из-за свободы¹⁴. Ибо свобода была для него не только высшей ценностью и основой его философии, но она была для него также и своеобразным «онтологическим» основанием его собственной жизни и судьбы, вне которого последние были для него немыслимы, поскольку не могли быть вне свободы и осуществлены. «Свобода для меня изначальна, – указывает философ на свои метафизические корни, – она не приобретена, она есть а priori моей жизни» [7, с. 300].

И относительно своей свободы он не только не допускал никаких компромиссов, но и каких-либо дискуссий. Она была для него абсолютной ценностью: «Свобода моей совести есть абсолютный догмат, я тут не допускаю споров, никаких соглашений, тут возможна только отчаянная борьба и стрельба» [7, с. 307]. Не случайно поэтому, что и саму жизнь он будет понимать не иначе, как «борьбу за свободу», а свою философию назовет не только «философией свободы», но также «философией конфликта» и «борьбы»¹⁵. Поскольку стремление к свободе повсюду встречает сопротивление, она требует от человека постоянного напряжения всех его сил и воли, подлинного героизма и бескомпромиссной борьбы: «Свобода не легка, как утверждают ее враги, клеветующие на нее, свобода трудна, она есть тяжелое бремя» [7, с. 301].

Однако эта борьба за свободу, которую он вел всю свою жизнь и которую к тому же признавал «самым положительным и ценным» своим завоеванием, имела и обратную, «отрицательную» сторону. Она неизбежно вела его к разрыву со всем миром, отчужденности и даже вражде, усиливая и без того остро переживаемое им

¹¹ «Я мучительно чувствовал чуждость всякой среды, всякой группировки, всякого направления, всякой партии. Я никогда не соглашался быть причисленным к какой-либо категории... Это чувство чуждости, иногда причинявшее мне настоящее страдание, вызывало во мне всякое собрание людей, всякое событие жизни» [7, с. 288; см. также: с. 304–305, 492]. Ср.: «Я, в сущности, стоял вне существовавших религиозно-философских и социально-политических лагерей. Я чувствовал внутренне чуждым себе преобладающие течения XX века. Я переживал духовную реакцию против среды политической, среды литературной и среды религиозно-православной. Я никуда не мог себя вполне отнести и чувствовал себя довольно одиноко» [5, с. 9–10].

¹² «Всякая идейная социальная группировка, всякий подбор по “вере”; посягает на свободу, на независимость личности, на творчество». И далее: «Всякая группировавшаяся масса враждебна свободе. Скажу более радикально: всякое до сих пор бывшее организованное и организующееся общество враждебно свободе и склонно отрицать человеческую личность» [7, с. 304–305].

¹³ Там же. С. 290, 538.

¹⁴ Там же. С. 302.

¹⁵ Там же. С. 268, 344, 350, 355.

чувство одиночества¹⁶ и увеличивая страдания: «Свобода с трудом доставалась и причиняла боль» [7, с. 301]¹⁷. На этой основе и формировалось его «трагическое чувство жизни», ибо трагедия и свобода у Бердяева не только были связаны неразрывно, но и немислимы одна без другой. «Трагедия всегда связана со свободой»¹⁸ (курсив мой. – А.К.). Более того, «свобода есть *главный источник* трагизма жизни»¹⁹ (курсив мой. – А.К.), поскольку именно в ней и «открывается первофеномен

¹⁶ Чрезвычайно важно, что и одиночество Бердяев определял именно как трагическое и даже усматривал в этом положении двойной трагизм. Понимая, вслед за Кьеркегором, трагическое и как «страдающее противоречие», он полагал, что человек, оказавшийся в одиночестве, всеми силами стремится преодолеть его, разрешить это бремя «страдающего противоречия», постоянно трансцендирует себя, ибо только таким образом он и может себя реализовать. Он пишет: «“Я” имеет свое существование лишь постольку, поскольку “я” трансцендирует себя, во внутреннем существовании выходит к другому и другим, к “ты”; к другому человеку, к Божьему миру» [10, с. 267]. Однако, несмотря на все свои усилия, человек оказывается не в состоянии преодолеть свое одиночество, так как последнее предстает как «неразрешимое противоречие» между “я” и миром и в силу этого переживается как трагическое. Ибо в этом мире «на всех путях» и во всех сферах жизни и деятельности происходит объективация человеческих отношений и «я» встречается не с «я», не с «ты» во внутреннем существовании и общении, а с объектом, обществом, государством. «Объективированный мир никогда не выводит меня из одиночества... “Я” перед объектом, перед всяким объектом, как бы оно ни было с ним связано, всегда одиноко. Это основная истина» [10, с. 268]. Здесь-то и обнаруживается еще один «непреодолимый конфликт», еще одно «страдающее противоречие», вскрывающее, по мнению Бердяева, двойной трагизм человеческого одиночества. С одной стороны, пытаясь преодолеть свое одиночество, человек убеждается в невозможности его окончательного преодоления и переживает его как неразрешимое, то есть подлинно трагическое противоречие. Но в то же время, с другой стороны, он не менее уверен в необходимости и даже неизбежности его преодоления, ибо другого пути, по указанной выше причине, у него просто нет. В силу этого он не только не оставляет своих попыток вырваться за пределы одиночества, но вынужден делать это с удвоенной энергией, прилагая поистине героические усилия и пытаясь таким образом осуществить то, что изначально, по условиям этого падшего мира, в принципе не осуществимо, то есть обречено, говоря совами самого автора, на «трагическую неудачу». Это и порождает осознание двойного трагизма: «Одиночество есть трагическое. Но я хочу преодолеть трагическое и вместе с тем постольку сознаю непреодолимость трагического. Это значит, что я переживаю еще одно страдающее противоречие, противоречие между непреодолимостью трагического, непреодолимостью противоречия и неизбежностью его преодолеть» [10, с. 269]. Подобное понимание одиночества со всей очевидностью показывает, что и данная тема самым непосредственным образом выводила Бердяева на проблематику трагического и также являлась одним из важнейших источников, способствовавших формированию его трагического чувства жизни (ср.: [10, с. 240]). Тем более что сам философ неоднократно признавался в том, что, несмотря на свою открытость к общению и постоянное к нему стремление, он на протяжении всей своей долгой жизни тем не менее чувствовал себя крайне одиноким: «Мой случай я считаю *самым тяжелым*, это есть *сугубое одиночество* [7, с. 289] (курсив мой. – А.К.); ср. также: [7, с. 290, 291, 305, 469, 517, 600, 603]. Отсюда становится понятным, особенно в контексте неразрывной связи одиночества с трагическим, что и свою собственную жизнь Бердяев должен был воспринимать как глубоко трагическую (см. его письмо к В. Философову). На фоне вышеизложенного подобное признание, как представляется, не выглядит большим преувеличением.

¹⁷ См. также: Бердяев Н.А. Самопознание. С. 307, 313. Ср.: Он же. О рабстве и свободе человека. С. 16; Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 314 [10].

¹⁸ См.: Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. С. 42–43.

¹⁹ См.: Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 329 [11].

трагического»²⁰. А это значит, резюмирует Н.А. Бердяев, что «*настоящая трагедия* и есть *трагедия свободы...*»²¹ (курсив мой. – А.К.). Поэтому С.А. Левицкий имел все основания назвать его «философом трагической свободы par excellence»²².

Но поскольку Бердяев не мыслил себя вне свободы и всю свою сознательную жизнь провел в непрерывной борьбе за свободу, а в последней он в то же время усматривал «главный источник» – и даже «первоисточник» – трагического²³, то естественно было ожидать, что и свою собственную жизнь он неизбежно должен был видеть преимущественно в драматически-трагических тонах. И действительно, буквально на каждом шагу, где только заходила речь об оценке им своей жизни (и в переписке с различными адресатами, и в его произведениях, не говоря уже о «Самопознании»), мы встречаемся с характеристиками его собственной жизни как «глубоко драматической», «мучительно дисгармоничной», сопровождавшейся «непрерывным мучительным конфликтом» с чуждым ему миром и практически всякой средой, всяким сообществом²⁴, складывавшейся «объективно трагично». При этом он постоянно обращает внимание именно на «*внутренний трагизм*» своей жизни²⁵, подчеркивая его «*непреодолимый характер*»²⁶, косвенно, таким образом, лишняя раз указывая, что его жизненная судьба (именно в силу неразрешимости всех ее противоречий и конфликтов, как внешних, так и внутренних) действительно была трагической.

Подобного рода «личный жизненный опыт» Н.А. Бердяева и стал той «первичной» основой, на которой формировалось его трагическое чувство жизни, определяя собою и особый угол зрения, под которым он смотрел на мир (и под которым мир открывался ему) и оценивал события, и общую направленность его сознания, масштаб и глубину мысли и даже духовный тип в целом. Этим и объясняется как его особо повышенный, даже крайне обостренный интерес к феномену трагического (и в самой жизни²⁷, и в искусстве²⁸), так

²⁰ См.: Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. С. 43.

²¹ См.: Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. С. 310.

²² См.: Левицкий С.А. Учение Бердяева // Левицкий С.А. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Трагедия свободы. М.: Канон, 1995. С. 302 [12].

²³ См.: См.: Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. С. 44.

²⁴ См.: Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. С. 526, 596, 289, 597, 538, 307 и др.

²⁵ Там же. С. 294 (курсив мой. – А.К.); ср. также: с. 373, 602 и др.

²⁶ Там же. С. 597, 602 (курсив мой. – А.К.); ср.: с. 429.

²⁷ Ср.: «Я всегда был очень восприимчив к трагическому в жизни» [7, с. 281].

²⁸ Далеко не случайным представляется и то обстоятельство, что первая его работа, имеющая прямое отношение к проблеме трагического, была посвящена именно *искусству*, в частности – творчеству бельгийского драматурга Мориса Метерлинка. Ибо в его произведениях Бердяев увидел и приветствовал «знаменательный симптом» – не просто возрождение драмы в европейской литературе (здесь он родоначальником «новой драмы» видел как раз Ибсена), но именно «огромный шаг» вперед в развитии самой трагедии как жанра, выведение ее на современный уровень, более глубокий, более сложный, более рафинированный, – на уровень *внутреннего существования человека*, благодаря чему, согласно Бердяеву, драматургу и удалось не только показать «самую внутреннюю сущность человеческой жизни как трагедию», но и собственно «трагическое начало жизни» представить как «вечную внутреннюю трагедию», как «вечное начало» самой жизни. См.: Бердяев Н.А. К философии трагедии [13, с. 45, 49–50, 64].

и его характеристика своего духовного типа как «драматического», «трагически-конфликтного», «катастрофического»²⁹, а также то значение – «слишком большое»³⁰, по признанию автора, которое будет иметь явление трагического в его жизни и творчестве.

Понятно, что при таком восприятии мира и соответствующей ему направленности мышления философия, которая адекватно выражала бы подобное мироощущение, могла быть только *философией трагического*. И хотя сам Н.А. Бердяев называл свою философию философией свободы, однако он имел все основания назвать ее и философией трагического. Ибо главный источник трагического он видел, как мы уже знаем, именно в свободе. И в той мере, в какой его философия являлась философией свободы, в такой же мере она оказывалась по существу и философией трагического. Об этом, впрочем, писал и сам Н.А. Бердяев, на что, к сожалению, у нас не обращалось – и не обращается – должного внимания. Во всяком случае, данная сторона творческого наследия философа так и не стала предметом специального изучения. И это, как представляется, является одной из основных причин не всегда корректного комментирования текстов философа. Однако, учитывая определяющую роль феномена трагического как в его жизни, так и в его творчестве, осмысление этой проблемы представляется не только абсолютно необходимым и обязательным условием ее адекватного постижения как таковой, но одновременно и ключом ко всему его творчеству в целом.

В связи с этим не лишним будет напомнить чрезвычайно важное в данном отношении высказывание философа, которое проливает дополнительный – и может быть самый яркий – свет на значение данной проблемы в формировании его взглядов: «...то или иное *отношение к трагедии, трагическому началу жизни* имеет *огромное значение*, это *пробный камень мировоззрения*!» [13, с. 46] (курсив мой. – А.К.). «*Именно трагизм*, – акцентирует он внимание на данном аспекте проблемы, подчеркивая свое особое к ней отношение, – *заставляет с особенной силой ставить вопрос о смысле и цели жизни*» [13, с. 66] (курсив мой. – А.К.).

А вопрос этот, как известно, был для него судьбоносным, являясь одновременно и одним из «первых двигателей» его внутренней духовной жизни. Причем вопрос о цели и смысле жизни был для него настолько принципиально важным, что, по признанию самого Н.А. Бердяева, «искание смысла» оказа-

²⁹ Ср.: «Я человек *драматической стихии*». «Мне свойственно *катастрофическое* чувство жизни [7, с. 282, 466] (курсив мой. – А.К.). Ср.: «Я мыслил радикально, мое сознание было... конфликтное и антиномическое...» [7, с. 529]. И далее: «Мне очень свойственно эсхатологическое чувство, чувство приближающейся катастрофы и конца света». «...Всё мне казалось хрупким, люди угрожаемыми смертью, всё в истории преходящим и висящим над бездной. Я и в личной жизни склонен был ждать катастроф и еще более в исторической жизни народов» [7, с. 549–550]. «Я всегда ждал всё новых и новых катастроф, не верил в мирное будущее, и для меня не было ничего неожиданного в том, что мы вступили в остро катастрофический период» [7, с. 586]. И, наконец, общее резюме: «Я всегда философствовал так, как будто наступит конец мира и нет перспективы во времени» [7, с. 550].

³⁰ См.: Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. С. 417.

лось в какой-то момент даже «первичнее искания Бога»³¹. В конце концов подобное отношение к данному вопросу заставит его уже на склоне лет подтвердить свой духовный выбор: «Я не любил “жизни” прежде и больше “смысла”, я “смысл” любил больше жизни, “дух” любил больше мира. Я все-таки всю жизнь искал истину и смысл...» [7, с. 278, 353]. Так, на первый взгляд неожиданно сопрягаются у него, казалось бы, очень разные понятия – трагическое и смысл жизни, которые, тем не менее, именно на метафизическом уровне, на уровне «трагической глубины бытия», оказывались для него однопорядковыми, равнозначными, равноценными. Это и приводит Н.А. Бердяева к важнейшему в данном отношении выводу о том, что и философские направления «нужно делить» не иначе, как «*по их отношению к трагедии*»³² (курсив мой. – А.К.)!

Отсюда становится понятным и значение для него проблемы трагического, ее центральная роль как в формировании его мировоззрения в целом, так и в создании своей философско-эстетической концепции в частности, в которой она на правах «первофеномена» будет не только выступать в качестве структурно-смысловой основы, но и являться по существу главным ее нервом. Поэтому можно смело утверждать, что без самого серьезного изучения роли и значения феномена трагического в творческом наследии философа подлинный дух последнего неизбежно останется для нас закрытым. В данном контексте нельзя не вспомнить пронизательные по глубине и точности слова Ф.А. Степуна, кстати, *единственного* из всех пишущих о Н.А. Бердяеве, кто впервые вообще обратил внимание на то, что «*дух его философии есть трагический дух в религиозном смысле этого слова*»³³ (курсив мой. – А.К.)³⁴.

А между тем в своей работе «Я и мир объектов» Н.А. Бердяев, классифицируя различные типы философских воззрений и выделяя характерные особенности, отличающие его философию от всех других типов философских решений, писал следующее: «Я решительно избираю философию, в которой утверждается примат свободы над бытием, примат экзистенциального субъекта над объективированным миром, дуализм, волюнтаризм, динамизм, творческий активизм, персонализм, антропологизм, философия духа. Дуализм свободы и необходимости, духа и природы, субъекта и объективации, личности и

³¹ См.: Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. С. 329–330. Ср. также: «Однажды на пороге отрочества и юности я был потрясен мыслью: пусть я не знаю смысла жизни, но искание смысла уже дает смысл жизни, и я посвящу свою жизнь этому исканию смысла... Я поверил в силу духа, и *это осталось навсегда*» [7, с. 330–331] (курсив мой. – А.К.).

³² См.: Бердяев Н.А. Трагедия и обыденность // Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 гг.). М.: Канон+, 2002. С. 295 [14].

³³ См.: Степун Ф.А. Учение Николая Бердяева о познании // Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 1994. С. 492 [15].

³⁴ Впрочем, справедливости ради, мы не должны здесь забывать и С.А. Левицкого, который не только называл Н.А. Бердяева «философом трагической свободы», но и считал его носителем «трагического мироощущения», характеризуя его мировоззрение в целом как «собственно трагическое» (См.: [16, с. 8]). Из современных авторов необходимо также отметить Н.В. Мотрошилову, согласно которой Н.А. Бердяев явился автором по существу «*новой экзистенциальной философии трагедии*» [17, с. 252] (курсив мой. – А.К.).

общества, индивидуального и общего для меня является *основным и определяющим*. Но это есть не что иное, как – *философия трагического*» [10, с. 240] (курсив мой. – А.К.).

Разумеется, все это не могло не отразиться самым непосредственным образом как на постановке, так и на решении рассматриваемых им проблем. В контексте философии трагического все представало в своем глубинном, предельном измерении, получая соответствующее освещение и обнаруживая при этом свое собственно трагическое содержание. И тема творчества, и прежде всего творчества художественного, искусства, конечно же, не могла быть здесь исключением. Более того, именно в решении этой темы и найдет свое наиболее яркое и концентрированное выражение – во всей своей полноте и специфике – бердяевское понимание трагического. Ибо художественное творчество философ рассматривал как наивысшее проявление всех физических и духовных сил, всех потенций человека, как главный и единственный путь его самораскрытия и реализации, связывая напрямую последние с развитием в нем личностного начала и, следовательно, не только не отрывая творчество от процесса становления личности, но по существу отождествляя их: «личность предполагает творчество...»³⁵; «вне творчества нет личности»³⁶. Отсюда, согласно авторской логике, следовало, что если весь жизненный путь человека сопровождается неизбежными страданиями и «неизбывным трагизмом», то наивысшего и предельного напряжения этого трагизма естественно было ожидать именно там, где в концентрированном виде отражались бы как в капле воды вся жизнь и судьба человека. А такой сферой, согласно Н.А. Бердяеву, могло быть только творчество, поскольку именно «творчество есть выражение всей жизни человека»³⁷, и прежде всего творчество художественное, искусство. И последнее, таким образом, представало одновременно и высшей формой проявления трагического (трагической основы бытия), а жизнь и судьба самого художника-творца, гения – высшей формой трагедии индивидуальной человеческой судьбы.

Отсюда становится понятным, что при подобном подходе к творчеству миновать не только постановку, но и самое глубокое осмысление проблемы трагедии творчества оказывалось для Н.А. Бердяева делом едва ли вообще возможным. И выход его на эту проблему лишь служит тому подтверждением. Чрезвычайная важность данной проблемы, как представляется, определяется к тому же еще и тем, что в ней соединяются воедино основополагающие и судьбоносные для него темы – *свободы, трагедии и творчества*. Ибо, говоря о творчестве как центральной теме «всей своей жизни и мысли», он сразу же

³⁵ См.: Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. С. 298.

³⁶ См.: Бердяев Н.А. Спасение и творчество // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т.1. С. 361 [18]. Ср. также: «Человек не только призван к творчеству как действию в мире и на мир, но он *сам есть творчество и без творчества не имеет лица*» [19, с. 248] (курсив мой. – А.К.).

³⁷ См.: Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995. С. 248 [19].

добавляет: «*Вместе с тем я раскрывал трагедию человеческого творчества...*»³⁸ (курсив мой. – А.К.), направляя тем самым наше внимание на соответствующий контекст ее осмысления и подчеркивая таким образом, что именно на данном уровне, под этим «углом зрения» его тема о творчестве и должна анализироваться, чтобы быть понятой адекватно.

Однако выражение «вместе с тем» отнюдь не следует понимать таким образом, что сначала он разработал свою концепцию творчества и лишь затем «дополнил» ее трагической составляющей, «вставив» в контекст последней. Напротив, не рискуя впасть в преувеличение, можно утверждать, что центральная тема всей его жизни сразу осмыслялась и разрабатывалась Н.А. Бердяевым именно как *трагедия творчества*. Об этом свидетельствуют и слова самого автора, подчеркивающего, что творчество *изначально* предстало перед ним в своем трагическом измерении: «...я *изначально* *сознал* трагедию человеческого творчества и его роковую неудачу в условиях мира» [7, с. 463] (курсив мой. – А.К.)³⁹. И это осознание, как настаивает сам Н.А. Бердяев, является не просто важной, но «*очень существенной* – и можно добавить: *определяющей* – *стороной*» его философско-эстетической концепции. Впрочем, как нетрудно увидеть, «*изначальный*» характер трагической составляющей творчества вытекал уже из соответствующего понимания философом свободы. Ибо в той мере, в какой свобода выступала у него в качестве «не приобретенного», а априорного начала жизни (именно свобода в свою очередь, как мы уже знаем, является источником – и первоисточником – трагедии), то и трагическое в такой же мере оказывалось «*изначальным*», а следовательно, таким же жизненным априори его духовного пути, как и свобода.

Это значит, что тема творчества не только изначально представала перед ним в своем трагическом измерении, но и, можно с уверенностью утверждать, в его религиозно-метафизической системе координат она иной быть и не могла по определению, ибо никакого другого человеческого творчества, кроме как *трагического по своей природе в этом «падшем мире»*, согласно Н.А. Бердяеву, нет и быть не может (во всяком случае, в современную автору – в том числе и нашу – эпоху). Поэтому далеко не случайно, определяя в самом общем виде трагедию творчества как несоответствие между замыслом и его практическим результатом, Н.А. Бердяев подчеркивал, что подобное несоответствие имеет *постоянный характер*, т.е., говоря словами философа, имеет место «*всегда*»⁴⁰.

³⁸ См.: Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 237 [20].

³⁹ В этом отношении В. Дитрих был совершенно прав, пронизательно подметив, что тема творчества у Н. Бердяева *всегда была «неотделима от боли неудачи творческого акта или постоянного несоответствия его замысла и результата»*, которое он и определял как трагическое [21, с. 31] (курсив мой. – А.К.).

⁴⁰ Ср.: «*Всегда* есть трагическое несоответствие между творческим горением... и холодом законнической реализации творчества. Охлажденность, потухание огня есть *в каждой* книге, картине, статуе...» [8, с. 119] (курсив мой. – А.К.).

Разумеется, трагический характер творчества не является вечным, он, по твердому убеждению автора, преодолим. Но это дело будущего, и, очевидно, будущего весьма не близкого, когда в полной мере, с его точки зрения, сможет проявиться богочеловеческий характер творческой деятельности человека, деятельности теургической (уже не только по изначальной природе творческого акта или по его конечной направленности, но именно по достигнутому результату).

Другим источником, питавшим его концепцию трагедии творчества и определившим (особенно на раннем этапе ее становления) повышенный к ней интерес, который позднее уже никогда у него не ослабевал, оказалась ее чрезвычайная актуальность, удивительная созвучность современной философу эпохе. Это была эпоха великих трагических потрясений, когда буквально на глазах рушились традиционные жизненные устои и все жили в предчувствии надвигающихся на Россию страшных катастроф. Наиболее чутким к происходящим событиям современникам казалось, что Россия летит в бездну и что приближается конец не только старой «святой» Руси, но и конец всего мира.

«Наш культурный ренессанс, – вспоминал позднее об этой эпохе Бердяев в качестве одного из активных ее участников и свидетелей, – произошел в предреволюционную эпоху, в атмосфере надвигающейся огромной войны и огромной революции. Ничего устойчивого более не было. Исторические тела расплавились. Не только Россия, но и весь мир переходил в жидкое состояние». И далее: «...Русскими душами овладели предчувствия надвигающихся катастроф. Поэты видели не только грядущие зори, но и что-то страшное, надвигающееся на Россию и мир (А. Блок, А. Белый). Религиозные философы проникались апокалиптическими настроениями» [7, с. 412]⁴¹. Причем настроения эти были тесно связаны не только с чувством наступления «конца эпохи», но и с ожиданием неизбежного явления антихриста и в результате оказывались окрашенными в пессимистические тона: «ожидали не столько новой христианской эры и пришествия Царства Божьего, сколько царства антихриста. Это было глубокое разочарование в путях истории...» [20, с. 201]. Отсюда вытекала и общая характеристика надвигающихся перемен: «Тень легла на мир. Начался цикл исторических и космических катастроф и обвалов» [23, с. 323].

Но одновременно этот период, как хорошо известно, сопровождался и поистине невиданным творческим подъемом, ознаменовав собою хотя и непродолжительный, но один из ярчайших этапов в развитии русской культуры, получивший с легкой руки Н.А. Бердяева наименование «русского культурного ренессанса». Это была одна из самых утонченных эпох в истории русской культуры. Как свидетельствовал Бердяев, «только жившие в это время знают, какой творческий подъем был у нас пережит, какое веяние духа охватило русские души. Россия пережила расцвет поэзии и философии, пережила напряженные религиозные искания, мистические и оккультные настроения. <...>

⁴¹ Ср.: Бердяев Н.А. Самопознание. С. 386. См. также: Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: Правда, 1989. С. 183 [22].

Раскрывались целые миры. Умственная и духовная жажда была огромная. Прошло веяние Духа. Было чувство, что начинается новая эра» [20, с. 215–219].

В подобной драматически-напряженной социально-политической и духовной атмосфере формировались и постепенно все более определеннее выявлялись две разнонаправленные тенденции творческой мысли: одна из них стремилась предугадать и заглянуть в будущее, пророчествуя о конечных судьбах человечества и мира, а другая, словно пытаясь обрести устойчивость и равновесие в сложившейся ситуации, старалась удержаться в рамках традиции и была обращена в первую очередь к достижениям русской и европейской мысли XIX века, подводя таким образом одновременно итоги уходящего столетия (разумеется, обе эти тенденции нередко соединялись в творчестве того или иного мыслителя, переплетаясь и взаимно дополняя одна другую). И открытия, совершенные здесь представителями культурного ренессанса, – с интересующей нас точки зрения, – также оказались не менее показательными и симптоматичными.

В ряду целой плеяды имен, открытых, а точнее, вновь переоткрытых и заново переосмысленных в контексте происходивших перемен, особо выделяются (и по глубине, и по всеохватности своего влияния на эпоху) имена Ф. Достоевского, Ф. Ницше, С. Кьеркегора, Г. Ибсена, М. Метерлинка и др., то есть именно тех, кто, по словам Н.А. Бердяева, и являлся «первооткрывателем» и носителем *трагического мирозерцания* в XIX веке, в силу чего их творчество и оказалось созвучным эпохе исторических катастроф и потрясений⁴². Так, говоря о Ф. Достоевском, который именно по указанной направленности своего творчества и оказал на Н.А. Бердяева определяющее влияние⁴³, философ писал: «В Достоевском пророческий элемент сильнее, чем в каком-либо из русских писателей. Пророческое художество его определялось тем, что он раскрывал вулканическую почву духа, изображал внутреннюю революцию духа. Он обозначил *внутреннюю катастрофу, с него начинаются новые души*. Вместе с Ницше и Кирхегардом он *открывает в XIX веке трагическое*» [19, с. 199] (курсив мой. – А.К.)⁴⁴.

После указанных мыслителей и писателей, открывших миру царство трагического, и появляются совершенно особые, «новые души», которые прорываются за тесные пределы «замкнутого круга» земной жизни и устремляются к миру трансцендентному и в которых уже нет того безразличного спокойствия, довольства и

⁴² «Для настроений начала XX века огромное значение имели люди пророческого склада в XIX веке – Достоевский и Кирхегард, по-другому Ницше» [7, с. 514]. Ср.: «Во вторую половину XIX века с большей остротой, чем в прежние века, было обнаружено трагическое начало человеческой жизни. <...> Это было связано главным образом с именами Достоевского, Ницше, Кирхегарда, узнанного позднее, лишь в XX веке, когда это оказалось соответствующим трагическому характеру эпохи» [24, с. 189–190].

⁴³ Ср.: «У меня самого трагическое чувство жизни, – подчеркивал Бердяев, указывая на глубинный источник своего духовного родства с писателем, – не случайно мне так близок Достоевский» [9, с. 254].

⁴⁴ Ср. также: «С Достоевского пошло катастрофически-трагическое жизнеощущение и начался конец бытовому прекрасноту» [26, с. 151].

равнодушия, характерных для «срединного человека» мещанского быта. Напротив, в них – и через них, как тончайших индикаторов общественных перемен и настроений, – отражались противоречивость, конфликтность и драматизм человеческого бытия в мире, его трагическая судьба, которые хотя и были обнаружены еще во второй половине XIX века, но со всей остротой и напряженностью прорвались в общественное сознание только на рубеже веков.

Не случайно поэтому «новые души» Н.А. Бердяев называл «душами трагическими»⁴⁵, как не случайно и то, что названные выше мыслители, открывшие для своего века трагическое и сами являвшиеся носителями трагического чувства жизни, были заново переоткрыты (хотя с рассматриваемой точки зрения действительно были открыты впервые) именно в эту эпоху, эпоху катастрофических потрясений⁴⁶, и именно созвучными и родственными им «трагическими душами».

Едва ли надо говорить о том, что для людей с подобным мироощущением все предстало в ином измерении, иной глубине и иной перспективе. Все было окрашено в катастрофически-трагические, апокалиптические тона. Отсюда и иной подход к проблемам, и особый угол зрения, под которым они раскрывались, и необычная их постановка. Ставились «предельные», «конечные вопросы», вопросы о «самом главном», когда преодолевалась всякая условность и обнажалась их экзистенциальная глубина.

«По свойствам русской души, – отмечал это особое видение проблем Н.А. Бердяев, – деятели ренессанса не могли оставаться в кругу [чистых] вопросов литературы, искусства, чистой культуры. Ставились последние вопросы. Вопросы о творчестве, о культуре, о задачах искусства, об устройстве общества, о любви и т.п. приобретали характер вопросов религиозных. Это вопросы – всё тех же “русских мальчиков”, но ставших более культурными» [20, с. 223]⁴⁷. И которые – необходимо здесь добавить – приобрели к тому же, в полном соответствии с предгрозовой атмосферой своего времени, «катастрофически-трагическое мироощущение».

В такой социально-политической и духовной атмосфере тех лет ставились и решались волновавшие современников проблемы, и в первую очередь – проблема творчества. И тот факт, что именно эта проблема упоминается Н.А. Бердяевым одной из первых, был, конечно же, далеко не случайным. Ибо

⁴⁵ См.: Бердяев Н.А. *Философия свободного духа*. М.: Республика, 1994. С. 15 [27].

⁴⁶ Ср.: «Поразительный факт. Только в начале XX века критика по-настоящему оценила великую русскую литературу XIX века, прежде всего Достоевского...» [20, с. 215]. Или: «Ныне Достоевский стал нам ближе, чем когда-либо. Мы опять приблизились к нему. И много нового открывается у него для нас в свете познания пережитой нами трагической русской судьбы». «И необычайно возрос у нас интерес к Достоевскому» [28, с. 41, 29].

⁴⁷ Ср. также: «У нас в России, в период наших старых споров, дело шло о последних, предельных, жизненных проблемах, о первичности, а не об отражении, не о вторичном. Так было не только в Религиозно-философских обществах, но и в спорах в частных домах, напоминавших споры западников и славянофилов 40-х годов. Белинский говорил после спора, продолжавшегося целую ночь: “Нельзя расходиться, мы еще не решили вопроса о Боге”. Так было и у нас, когда сходились С. Булгаков, М. Гершензон, Л. Шестов, В. Иванов, А. Белый, Г. Рачинский и др.» [7, с. 407].

по целому ряду причин в эпоху культурного ренессанса проблема творчества оказалась «важнейшей и узловой»⁴⁸ и находилась в центре внимания едва ли не всех крупнейших представителей Серебряного века (хотя, разумеется, далеко не для каждого из них она стала «главной темой» всей «жизни и мысли», как это имело место у Н.А. Бердяева). И в полном соответствии с общим духом эпохи она, как никогда прежде, обнаружила и свое трагическое измерение.

Однако здесь нельзя не отметить, что сама по себе постановка проблемы трагедии творчества отнюдь не являлась для современников совсем уж неожиданным откровением. Она достаточно остро осознавалась еще в XIX веке такими писателями и мыслителями, как Ф. Ницше, Г. Ибсен, Н. Гоголь, Ф. Достоевский, Л. Толстой и др. Уже тогда они мучительно размышляли над внутренним кризисом творчества, над принципиальной невозможностью адекватно реализовать то, что открывалось художнику в творческом замысле, над трагическим несоответствием результатов творчества «творческому заданию». Этот кризис творчества в конце концов и подводил к постановке проблемы трагической противоположности творчества и бытия, искусства и жизни и выливался в довольно радикальный вопрос: создавать ли художнику произведение искусства или «творить саму жизнь»?!. Как известно, для Н.А. Бердяева, например, вся жизнь Л. Толстого представляла таким «мучительным переходом» от творчества совершенных художественных произведений к творчеству самой жизни⁴⁹.

Особая же актуальность проблемы была обусловлена, прежде всего, тем, что именно к этому времени трагедия творчества и трагедия художника-творца достигли своей «предельной остроты»⁵⁰, когда осознание этой проблемы во всей ее глубине подводило к пониманию уже невозможности создания совершенного, «классически-прекрасного» искусства⁵¹. Причем актуальность решения этой проблемы представлялась настолько назревшей, что уже в самом факте ее осознания и в радикальной ее постановке Н.А. Бердяев видел одно из главных достижений своего времени. «Я даже думаю, – подчеркивал он ее чрезвычайную актуальность, – что *самая сильная и самая глубокая* сторона нашей эпохи в том, что она *до конца осознала этот кризис творчества*» [32, с. 138] (курсив мой. – А.К.). Именно поэтому проблему трагедии творчества философ считал одной из важнейших и характернейших для своей эпохи – эпохи исторических катастроф и трагических потрясений, которую XIX век словно завещал веку XX⁵², и не без основания видел в себе одного из основных ее наслед-

⁴⁸ См., напр.: Кондаков И. Введение в историю русской культуры. М., 1994. С. 153 и др. [29]; Семёнова С. Грёзы о новой культуре // Гачева А., Казнина О., Семёнова С. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х гг. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 33 [30].

⁴⁹ См.: Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 218 [31].

⁵⁰ Ср.: «Начинает обнаруживаться величайший кризис творчества и глубочайший кризис культуры, который в течение последних десятилетий обнаруживает все более и более умножающиеся симптомы» [31, с. 137].

⁵¹ См.: Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. С. 218.

⁵² Там же.

ников, призванных если и не разрешить ее окончательно, то, во всяком случае, предложить возможные пути ее решения.

И в то же самое время Бердяев, как представитель нового поколения, стоящего на рубеже XIX–XX веков и принимающего это завещание как эстафету, особо подчеркивает тот факт, что уже с первых шагов своего философского и писательского пути он остро осознал «глубокую трагедию» человеческого творчества и его «роковую неудачу» в условиях этого мира. И действительно, Н.А. Бердяев оказался одним из немногих мыслителей, кого так глубоко захватила и ранила мысль о трагедии творчества, не дававшая ему покоя на протяжении всей жизни. Поэтому далеко не случайно, что трагедия творчества оказалась не только «основной проблемой» эпохи, но и одной из центральных тем его творчества.

Список литературы

1. Кудаев А.Е. Проблема трагедии творчества в эстетике Н.А. Бердяева // *Философия и культура*. 2010. № 8. С. 92–97.
2. Кудаев А.Е. Антропологические основы концепции трагедии творчества Н.А. Бердяева // *Полигнозис*. 2010. № 4. С. 147–162.
3. Кудаев А.Е. Метафизика творчества Николая Бердяева в контексте его философии трагического // *Филология*. 2012. № 4 (8). С. 28–50.
4. Бычков В.В., Маньковская Н.Б., Иванов В.В. *Триалог plus*. М.: Прогресс-Традиция, 2013. 496 с.
5. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. *Царство Духа и царство Кесаря*. М.: Республика, 1995. С. 4–162.
6. Бердяев Н.А. – Философам Д.В., от 22 апреля 1907 г. // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 9. М., 1992. С. 305–315.
7. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии // Бердяев Н.А. *Самопознание: Сочинения*. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 251–604.
8. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М.: Республика, 1993. С. 19–252.
9. Бердяев Н.А. – кн. Романовой И.П. // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 16. М.: СПб., 1994. С. 209–264.
10. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. *Философия свободного духа*. М., 1994. С. 230–316.
11. Бердяев Н.А. *Царство Духа и царство Кесаря*. М.: Республика, 1995. С. 288–356.
12. Левицкий С.А. Учение Бердяева // Левицкий С.А. *Сочинения: в 2 т. Т. 1: Трагедия свободы*. М.: Канон, 1995. С. 302–313.
13. Бердяев Н.А. К философии трагедии. Морис Метерлинк // Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis. Опыт философии, социальные и литературные (1900–1906 гг.)*. М.: Канон+, 2002. С. 44–69.
14. Бердяев Н.А. Трагедия и обыденность // Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis. Опыт философии, социальные и литературные (1900–1906 гг.)*. М.: Канон+, 2002. С. 277–309.
15. Степун Ф.А. Учение Николая Бердяева о познании // Н.А. Бердяев: pro et contra. *Антология*. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 1994. С. 483–500.
16. Левицкий С.А. Предисловие // Лосский Н.О. *Бог и мировое зло*. М.: Республика, 1994. С. 6–9.
17. Мотрошилова Н.В. Николай Бердяев: Философия жизни как философия духа и западная мысль XX века // *Историко-философский ежегодник 2001 / Ин-т философии РАН*. М.: Наука, 2003. С. 249–262.

18. Бердяев Н.А. Спасение и творчество // Бердяев Н.А. *Философия творчества, культуры и искусства*: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т.1. С. 343–367.
19. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Бердяев Н.А. *Царство Духа и царство Кесаря*. М., 1995. С. 163–286.
20. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н.А. *Самопознание: Сочинения*. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 11–248.
21. Дитрих В. «Духа не угашайте!» – Свободная христианская философия Николая Бердяева // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. Т. 7. Вып. 2. СПб.: Изд-во РХГИ, 2006. С. 25–39.
22. Бердяев Н.А. *Философия свободы*. М.: Правда, 1989. С. 12–250.
23. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире // Бердяев Н.А. *Философия свободного духа*. М.: Республика, 1994. С. 318–362.
24. Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи // Бердяев Н.А. *Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения*. СПб.: РХГИ, 1996. С. 156–326.
25. Бердяев Н.А. *Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения*. СПб.: РХГИ, 1996. С. 5–155.
26. Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. Томск: Водолей, 1996. 160 с.
27. Бердяев Н.А. *Философия свободного духа*. М.: Республика, 1994. С. 14–228.
28. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. *Философия творчества, культуры и искусства*: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 2. С. 7–150.
29. Кондаков И. Введение в историю русской культуры. М., 1994. С. 126–244.
30. Семёнова С. Грёзы о новой культуре // Гачева А., Казнина О., Семёнова С. *Философский контекст русской литературы 1920–1930-х гг.* М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 33–49.
31. Бердяев Н.А. *Смысл творчества. Опыт оправдания человека* // Бердяев Н.А. *Философия творчества, культуры и искусства*: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 37–341.
32. Бердяев Н.А. *Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы*. М.: Мысль, 1990. 176 с.

References

1. Kudaev, A.E. Problema tragedii tvorshestva v estetike N.A. Berdyaeva [The Problem of the art tragedy in the esthetics of N.A. Berdyaev], in *Filosofiya i kul'tura*, 2010, no. 8, pp. 92–97.
2. Kudaev, A.E. Antropologicheskie osnovy kontseptsii tragedii tvorchestva N.A. Berdyaeva [Antropological basis of N.A. Berdyaev's tragedy of art concept], in *Polignozis*, 2010, no. 4, pp. 147–162.
3. Kudaev, A.E. Metafizika tvorchestva Nikolaya Berdyaeva v kontekste ego filosofii tragicheskogo [The metaphysics of Nickoly Berdyaev's works in the context of his philosophy of tragedy], in *Filologiya*, 2012, no. 4 (8), pp. 28–50.
4. Bychkov, V.V., Man'kovskaya, N.B., Ivanov, V.V. *Triolog plus* [Triologue plus], Moscow: Progress-Traditsiya, 2013, 496 p.
5. Berdyaev, N.A. O rabstve i svobode cheloveka. Opyt personalisticheskoy filosofii [On slavery and freedom of a human. Experience of personalistic philosophy], in Berdyaev, N.A. *Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya* [The empire of spirit and the empire of Caesar], Moscow: Respublika, 1995, pp. 4–162.
6. Berdyaev, N.A. – Filosofovу V.D., ot 22.04.1907 g. [To Philosophov D.V., from April 22, 1907], in *Minuvshie: Istoricheskiy al'manakh* [The past: Historical almanac], Moscow: Fenix, 1992, issue 9, pp. 305–315.
7. Berdyaev, N.A. Samopoznanie. Opyt filosofskoy avtobiografii [Experience of philosophical autobiography], in Berdyaev, N.A. *Samopoznanie: Sochineniya* [Self-cognition: collection of works], Moscow: EKSMO-Press; Khar'kov: Folio, 1999, pp. 251–604.

8. Berdyaev, N.A. *O naznachenii cheloveka. Opyt paradoksal'noy etiki* [On human destination], Moscow: Respublika, 1993, pp. 19–252.
9. Berdyaev N.A. – kn. Romanovoy I.P. [book by Romanova I.P.], in *Minuvshee: Istoricheskiy al'manakh* [The past: Historical almanac], Moscow: Fenix, 1994, issue 16, pp. 209–264.
10. Berdyaev, N.A. Ya i mir ob'ektov. Opyt filosofii odinochestva i obshcheniya [Me and the world of objects], in Berdyaev, N.A. *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of free spirit], Moscow: Respublika, 1994, pp. 230–316.
11. Berdyaev, N.A. *Tsarstvo Dukha I tsarstvo Kesarya* [The empire of spirit and the empire of Caesar], Moscow: Respublika, 1995, pp. 288–356.
12. Levitskiy, S.A. Uchenie Berdyaeva [Berdyaev's thought], in Levitskiy, S.A. *Sochineniya v 2 t., t. 1: Tragediya svobody* [Works in 2 vol., vol. 1: The tragedy of freedom], Moscow: Kanon, 1996, pp. 302–313.
13. Berdyaev, N.A. K filosofii tragedii. Moris Meterlink [To the philosophy of tragedy. Moris Meterlink], in Berdyaev, N.A. *Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye (1900–1906)* [Sub specie aeternitatis. Philosophical, social and literary experiments], Moscow: Kanon+, 2002, pp. 44–69.
14. Berdyaev, N.A. Tragediya i obydennost' [The tragedy of routine], in Berdyaev, N.A. *Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye (1900–1906)* [Sub specie aeternitatis. Philosophical, social and literary experiments], Moscow: Kanon+, 2002, pp. 277–309.
15. Stepun, F.A. Uchenie Nikolaya Berdyaeva o poznanii [Nikolay Berdyaev's thought on cognition], in *Berdyaev N.A.: pro et contra. Antologiya. Kn. 1* [Berdyaev, N.A.: pro et contra. Antology. Vol. 1], Saint-Petersburg: RKhGI, 1994, pp. 483–500.
16. Levitskiy, S.A. Predislovie [Preface], in Losskiy, N.O. *Bog i mirovoe zlo* [God and universal evil], Moscow: Respublika, 1994, pp. 6–9.
17. Motroshilova, N.V. Nikolai Berdyaev: Filosofiya zhizni kak filosofiya dukha i zapadnaya mysl' XX veka [The philosophy of life as the philosophy of spirit and Western thought of the XX century], in *Istoriko-filosofskii ezhegodnik'2001* [Historico-philosophical almanac], Moscow: Nauka, 2003, pp. 249–262.
18. Berdyaev, N.A. Spasenie i tvorchestvo [Salvation and art], in Berdyaev, N.A. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva v 2 t., t. 1* [The philosophy of work, culture and art in 2 vol., vol. 1], Moscow: Iskusstvo, 1994, pp. 343–367.
19. Berdyaev, N.A. Opyt eskhatologicheskoy metafiziki. Tvorchestvo i ob'ektivatsiya [The experience of Eschatological metaphysics. Art and objectification], in Berdyaev, N.A. *Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya* [The empire of spirit and the empire of Caesar], Moscow: Respublika, 1995, pp. 163–286.
20. Berdyaev, N.A. Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka [Russian idea. Basic problems of Russian thought of XIX century and the beginning of XX century], in Berdyaev, N.A. *Samopoznanie: Sochineniya* [Self-cognition: collection of works], Moscow: EKSMO-Press; Khar'kov: Folio, 1999, pp. 11–248.
21. Ditrikh V. «Dukha ne ugashayte!» – Svobodnaya khristianskaya filosofiya Nikolaya Berdyaeva [Free Christian philosophy of Nikolay Berdyaev], in *Vestnik Russkoy khristianskoy humanitarnoy akademii*. Saint-Petersburg: RKhGI, 2006, vol. 7, issue 2, pp. 25–39.
22. Berdyaev, N.A. *Filosofiya svobody* [The philosophy of freedom], Moscow: Pravda, 1989, pp. 12–250.
23. Berdyaev, N.A. Sud'ba cheloveka v sovremennom mire [The destiny of a human in the modern world], in Berdyaev, N.A. *Filosofiya svobodnogo dukha* [The philosophy of free spirit], Moscow: Respublika, 1994, pp. 318–362.
24. Berdyaev, N.A. Na poroge novoy epokhi [On the cusp of new era]. in Berdyaev, N.A. *Istina i otkrovenie. Prolegomeny k kritike Otkroveniya* [Truth and revelation. Prolegomenon to the criticism of Revelation], Saint-Petersburg: RKhGI, 1996, pp. 156–326.

25. Berdyaev, N.A. *Istina i otkrovenie. Prolegomeny k kritike Otkroveniia* [Truth and revelation. Prolegomenon to the criticism of Revelation], Saint-Petersburg: RKhGI, 1996, pp. 5–155.
26. Berdyaev, N.A. *Aleksey Stepanovich Khomyakov* [Aleksey Stepanovich Khomyakov], Tomsk: Vodolei, 1996, 160 p.
27. Berdyaev, N.A. *Filosofiia svobodnogo dukha* [The philosophy of free spirit], Moscow: Respublika, 1994, pp. 14–228.
28. Berdyaev, N.A. Mirosozertsanie Dostoevskogo [Dostoevsky's outlook], in Berdyaev, N.A. *Filosofiia tvorchestva, kul'tury i iskusstva v 2 t., t. 2* [The philosophy of work, culture and art in 2 vol., vol. 2], Moscow: Iskusstvo, 1994, pp. 7–150.
29. Kondakov, I. *Vvedenie v istoriyu russkoy kul'tury* [Introduction to the history of Russian culture], Moscow: Nauka, 1994, pp. 126–244.
30. Semenova, S. Grezy o novoy kul'ture [Dreams on new culture], in Gacheva, A., Kazina, O., Semenova, S. *Filosofskiy kontekst russkoy literatury 1920–1930 gg.* [The philosophical context of Russian literature], Moscow: IMLI RAN, 2003, pp. 33–49.
31. Berdyaev, N.A. Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka [The sense of art. Experience of human justification], in Berdyaev, N.A. *Filosofiia tvorchestva, kul'tury i iskusstva v 2 t., t. 1* [The philosophy of work, culture and art in 2 vol., vol. 1], Moscow: Iskusstvo, 1994, pp. 37–341.
32. Berdyaev, N.A. *Smysl istorii. Opyt filosofii chelovecheskoy sud'by* [The sense of history. Experience of human destiny philosophy], Moscow: Mysl', 1990, 176 p.